УДК 327

Вячеслав СУТЫРИН

РАБОТА ЕВРОСОЮЗА С МАЛЫМ И СРЕДНИМ БИЗНЕСОМ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Статья поступила в редакцию 24.02.2021

Аннотация. В статье проанализированы подходы Евросоюза к укреплению политического влияния в регионе Восточного партнерства посредством гуманитарной работы с деловым сектором. Исследование охватывает период с момента запуска программы Восточное партнерство в 2009 г. по 2020 г. Проанализированы цели, инструменты, ресурсное обеспечение и критерии оценки эффективности работы ЕС с деловыми и близкими к ним сообществами стран Восточного партнерства. Исследование позволяет сделать вывод, что масштаб и формы интервенций ЕС и трансфера ресурсов обусловлены характером политических отношений Брюсселя с целевой страной. Большая часть средств – около 60 процентов – направляется не на кредитную или грантовую поддержку предприятий, а на гуманитарную работу с адресными социальными группами. Формирующаяся в результате инфраструктура может быть задействована для решения политических задач.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, гуманитарное влияние, Восточное партнерство, малый и средний бизнес, МСБ, мягкая сила, общественная инфраструктура.

За последние пять–семь лет Евросоюз заметно увеличил ресурсное обеспечение своей политики в большинстве стран Восточного партнерства (ВП). При этом гуманитарная сфера является основным проводником расширения присутствия ЕС в странах постсоветского пространства [Сутырин, 2020]. Брюссель активно финансирует применение различных гуманитарных инструментов: обменов, образовательных визитов и обучающих программ, общественных и экспертных мероприятий, информационных акций, различных неправительственных организаций и т.д.

Спектр каналов гуманитарного влияния ЕС в странах ВП расширяется, растет внимание структур Евросоюза к деловым сообществам. В официальных документах ЕС речь идет о «поддержке малого и среднего бизнеса» (МСБ). На практике же адресные группы воздействия значительно шире: чиновники и исполнительные органы

© **Сутырин Вячеслав Валерьевич** – к.полит.н., проректор Государственного академического университета гуманитарных наук. **Адрес:** 119049, Россия, Москва, Маро-новский переулок, д. 26. **E-mail:** vsutyurin@gaugn.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014). **DOI:** <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220212839>

государственной власти, курирующие тематику МСБ; законодательные органы власти; региональные органы власти; банковские и кредитные организации; лица, желающие открыть свой бизнес (включая стартап-движение); неправительственные организации и общественные объединения, действующие в сфере предпринимательства и образования; активная молодежь.

Работа Брюсселя с деловыми сообществами в странах ближнего зарубежья России пока не получила достаточного внимания отечественно научного сообщества. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе стратегии и опыта ЕС по укреплению политического влияния в регионе ВП посредством гуманитарной работы с деловым сектором. Полученные выводы могут быть полезны как с теоретической точки зрения, так и в научно-экспертных дискуссиях о повышении эффективности российской внешней политики в гуманитарной сфере. Для достижения поставленной цели использован ряд методов, включающих анализ статистических данных, официальных документов Евросоюза доктринального и программного характера, данных о финансировании программ. Исследование охватывает период с момента запуска программы Восточное партнерство в 2009 г. по 2020 г.

Обзор научных подходов

В российской и зарубежной науке существует значительный объем литературы, посвященной проблемам политики соседства ЕС и Восточному партнерству, влиянию Евросоюза на страны периферии. На одном краю спектра находятся сторонники современных прочтений теории империализма. Им оппонируют сторонники тезиса о добровольном приятии правил и норм ЕС третьими странами. Приверженцы империалистической парадигмы (нормативная империя [Del Sarto, 2016], неформальная империя [Zielonka, 2006]) подчеркивают, что расширение Евросоюза и сотрудничество со странами периферии происходит прежде всего в интересах ЕС по заданным в одностороннем порядке правилам [Dogan, 2020], а ценности и сила «притягательного примера» ЕС имеют вспомогательное, второстепенное значение. Для укрепления влияния Евросоюз вместо традиционных имперских инструментов, в первую очередь, военной силы, использует иные средства, главным образом экономические и бюрократические [Sepos, 2013]. Важную роль при этом играет зависимость третьих стран от экономики ЕС, особенно Германии [Dogan, 2020: 191]. Как утверждает Ян Зелонка, «единственный способ для ЕС поддерживать уровень жизни граждан без ущерба для конкурентоспособности своих компаний – это экспорт законов и административной практики в третьи страны, даже если их принятие несет значительные издержки для этих стран» [Zielonka, 2008: 471, 475]. Другой инструмент влияния – работа с социальными группами в целевых странах, в частности, «распространение имперского порядка путем культивирования дружественно настроенных элит, которые имеют общие интересы с ядром [ЕС]» [Del Sarto, 2016: 227].

Сторонники противоположного подхода делают акцент на добровольности принятия стандартов ЕС третьими странами. Евросоюз, по их мнению, выступает в роли «нормативной силы» (normative power), обладающей влиянием благодаря привлекательности и универсальности своих ценностей [Manners, 2002: 235]. Ряд исследователей придерживается концепции «эффекта Брюсселя» (Brussels effect), предложенной Ану Брэдфорд [Bradford, 2020], согласно которой влияние ЕС реализуется глав-

ным образом через добровольное принятие европейских стандартов третьими странами. Однако нельзя не учитывать и фактор «геополитизации» внешнеполитических подходов ЕС как средство приглушения остроты или отвлечения внимания от внутренних кризисов и противоречий в Евросоюзе через попытку артикуляции общих европейских ценностей во внешней политике ЕС [Болгова, 2020]. Все более выраженным приоритетом для Евросоюза становится не столько достижение долгосрочной стабильности в кризисных зонах за своими границами, сколько обеспечение безопасности собственных граждан [Громогласова, 2018: 44].

Значительное место в научной литературе занимают дискуссии об эффективности влияния ЕС в странах периферии. Распространена точка зрения, согласно которой метод «кнута и пряника» (кондициональность) предполагает принуждение, тогда как социализация означает добровольное принятие целевой страной ценностей и установок ЕС [Kostanyan, 2017: 15]. Часть исследователей склоняется к точке зрения, что эффективен лишь первый вариант влияния. Другие указывают, что результативность зависит от условий: в краткосрочной перспективе лучше работает кондициональность, в среднесрочной (до 4–5 лет) социализация оказывается не менее эффективной [Borzel & Hullen, 2014; Kostanyan, 2017]. Примечателен вывод авторов недавнего исследования украинского кризиса: если кондициональность концептуализируется как рациональный межгосударственный торг (intergovernmental bargaining), то политика ЕС провалилась. Однако если рассматривать кондициональность как инструмент социальной мобилизации и выборочного усиления местных игроков, то политика Евросоюза оказалась успешной [Burlyuk & Shapovalova, 2017]. А.В. Гущин и А.С. Левченков констатируют, что Молдавия, Белоруссия и Украина не смогли использовать свое участие в программе Восточного партнерства для повышения эффективности государственного управления, снижения коррупции, развития инфраструктуры, но программа успешно содействовала «отрыву стран-членов от России» [Гущин, Левченков, 2019]. Ю.А. Борко делает вывод об успешности программы ВП по итогам 10 лет существования за счет реализации политики «мягкой силы», создания постоянных институтов межгосударственного диалога и взаимодействия на общественном уровне [Борко, 2018].

В основу Восточного партнерства с момента запуска в 2009 г. были положены теории модернизации и транзитологии, тесно связанные с теорией демократического мира [Delcour & Petrova, 2020]. Ряд исследователей отмечает, что реализация этих теорий на практике означает попытку «дистанционного управления» другими странами за счет «дисциплинирования государств, правительств и элит» [Joseph, 2013: 51]. Сторонники постколониальной теории стремятся выявить исторические колониальные корни современной практики влияния ЕС (или их неоколониальные образцы) [Milekis, 2016], подвергнув их критическому анализу [Павлова, Романова, 2018]. По итогам пересмотра Политики соседства ЕС¹ в 2015 г. и принятия Глобальной стратегии в 2016 г.² было заявлено о корректировке приоритетов восточной политики

¹ Review of the European Neighbourhood Policy (2015) November 2015. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/joint-communication_review-of-the-enp.pdf (дата обращения: 20.02.2021)

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Strategy, June 2016.

Брюсселя. Вместо унифицированного подхода и «демократизации» во главу угла были поставлены приоритеты стрессоустойчивости (resilience) и ответственности местных игроков (local ownership). Однако результаты пересмотра приоритетов оцениваются учеными как противоречивые [Романова, 2017; Трещенков, 2019; Тосси, 2020].

Многие исследователи считают, что ЕС продолжает работать в прежней парадигме исходя из того, что стрессоустойчивость в целевых странах возможна лишь за счет принятия стандартов ЕС и западных институтов. Фактически это предполагает «логику подчинения местных акторов международным, несмотря на акцентировку партнерства, участия и диалога [...] с целью эффективного управления странами ВП, а не реального укрепления местных игроков». При этом местное участие используется в официальной риторике Брюсселя «с целью легитимации вмешательства внешних игроков» в дела сопредельных стран [Delcour & Petrova, 2020: 354]. Как отмечают Е. Павлова и Т. Романова, «продолжая свои традиции нормотворчества, берущие истоки еще в системе колониального доминирования, ЕС наделил нормативным содержанием в целом нейтральное понятие стрессоустойчивости, на основе которого строится выстроить свою внешнюю политику» [Павлова, Романова, 2018: 90].

Часть исследователей разрабатывает проблематику дифференциации подходов ЕС к различным странам в русле достижения стрессоустойчивости [Тосси, 2014]. Традиционные идеи об усилении поддержки гражданского общества для давления на правительства целевых стран с целью реформ [Falkenhain & Solonenko, 2012] дополняются новыми тезисами: в частности о том, что восприятие Брюсселем гражданского общества исключительно как «силы политической либерализации» ограничивает спектр инструментов воздействия ЕС на ситуацию внутри целевой страны лишь «политическими» каналами [Boiten, 2015]. Вместе с тем критически рассматривается и само понятие «гражданское общество», ведь на деле речь может идти о фрагментированной сфере борющихся между собой групп и интересов [Luciani, 2020]. Исходя из анализа теоретических подходов, важным представляется изучение конкретных кейсов реализации программ ЕС для оценки их влияния и методологии.

Финансирование и инструменты работы ЕС

Евросоюз на протяжении многих лет ведет работу с деловыми сообществами стран периферии. В период 2014–2020 гг. реализовывались: комплексная программа «Конкурентоспособность предприятий малого и среднего бизнеса» (COSME), программа обменов Erasmus для молодых предпринимателей, финансировались информационные порталы, объединения предпринимателей и др. Вместе с тем отмеченные программы преимущественно ориентированы на граждан ЕС, а отдельные лица и малые предприятия соседних стран вовлекаются скорее в формате «дополнительных опций» и точечной поддержки.

Основным инструментом влияния ЕС на адресные группы в деловой и смежных сферах стран Восточного партнерства выступает зонтичная программа «ЕС для бизнеса» (EU4Business, далее – EU4B). За счет программы реализуются практически все проекты ЕС, связанные с малым и средним бизнесом в странах ВП. Финансирование идет из коммунитарного бюджета в рамках Европейского инструмента соседства (European Neighbourhood Instrument, ENI). В качестве партнеров в реализации проектов участвуют европейские и международные организации, такие как Европейский инвестиционный банк, Организация экономического развития и со-

трудничества, (ОЭСР), Всемирный банк и Программа развития ООН. В качестве участников в проекты вовлекаются торгово-промышленные палаты государств-членов ЕС и стран ВП, профильные министерства и государственные агентства стран региона, различные деловые объединения, НПО, предприятия МСБ и конкретные граждане.

Таблица 1

Объем финансирования проектов ЕС в странах Восточного партнерства, находящихся в процессе реализации в 2019 г. в рамках программы EU4B

Страна	Число активных проектов	Финансирование, млн евро (из них % средств, предоставленных в форме займов бизнесу)
Азербайджан	3	27 (17%)
Армения	11	76 (57%)
Белоруссия	5	33 (6%)
Грузия	49	328 (50%)
Молдавия	21	144 (20%)
Украина	27	178 (46%)
Всего	116	786 (41%)

Источник: составлено автором на основе официальной статистики ЕС¹.

С момента запуска программы EU4B в 2009 г., по официальной статистике ЕС, до 2018 г. было выдано займов предприятиям малого и среднего бизнеса стран Восточного партнерства на сумму 2,4 млрд евро. За указанный период при участии ЕС было разработано 137 законопроектов, из которых 72 были приняты национальными законодательными органами в целевых странах. В различные семинары и обучающие программы было вовлечено свыше 19 тыс. чел. В мероприятиях, финансируемых ЕС, приняло участие более 57 тыс. чел. Более 65% из числа этих людей были охвачены проектами в 2017–2018 гг.²

Охват программы в целом был существенно расширен с 2017 г. Так, в 2017–2018 гг. по сравнению с 2009–2016 гг. в 1,5 раза возросло число организаций, вовлеченных в проекты программы (всего за десять лет охвачено 80 тыс. предприятий). В пять раз возросло число предприятий, которым была оказана техническая помощь (всего за десять лет охвачено десять тысяч предприятий, – как правило, им оказывались консультационные и информационные услуги), в 1,5 раза вырос объем кредитования МСБ³.

В рамках программы EU4B применяются три основных группы инструментов:

1. Инструменты финансирования, включающие предоставление займов (в основном через международные финансовые институты или национальные банки)

¹ EU4Business. Results 2019. General Information. URL: <https://eu4business.eu/results#general/> (дата обращения: 20.02.2021)

² EU4Business. Investing in SMEs in the Eastern Partnership, Annual Report, June 2019. URL: <https://eu4business.eu/uploads/20/08/10/8bd48c27574be4301884a0c5b3db211b.pdf> (дата обращения: 20.02.2021) Р. 67.

³ Ibid. Р. 65.

предприятиям МСБ в целевой стране. Предоставляются увязанные с займами субсидии, например, снижение процента по кредиту. Небольшие займы и микрогранты выделяются ЕС напрямую предприятиям МСБ без посредников (около 20 процентов от общего объема финансирования, порядка 70 млн евро в 2019 г.)¹, практикуется приобретение доли в бизнесе.

Таблица 2

Объем финансирования проектов, действующих по состоянию на 2019–2020 гг., в рамках инструментов программы EU4B, млн евро

	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Грузия	Молдавия	Украина
Инструменты финансирования	5	43	2	165	28	82
Сервисы по развитию бизнеса	15	23	13	116	97	43
Создание благоприятных условий	7	10	18	47	19	53

Источник: составлено автором на основе официальной статистики ЕС.

2. Сервисы по развитию бизнеса, включающие обучение и консалтинг для предприятий МСБ и организаций по поддержке бизнеса (государственных и негосударственных), а также информационные кампании, проведение тренингов, организацию учебных визитов в страны ЕС и другие страны Восточного партнерства. За счет финансирования ЕС разрабатываются проекты национальной экспортной стратегии по работе на рынке ЕС для правительств целевых стран.

На условиях софинансирования осуществляется поддержка бизнес-инкубаторам, организуемым местной властью. Также осуществляется публикация и распространение информации о возможностях сотрудничества с европейским бизнесом в сфере импорта–экспорта, а также посреднические услуги для налаживания связей бизнеса ЕС и целевых стран (организация встреч, конференций). В рамках данной группы инструментов основные средства ЕС тратит на консультирование предприятий МСБ (63% от общих расходов) и консультирование организаций по поддержке бизнеса в целевых странах (24%)².

3. Создание условий для ведения бизнеса. Речь идет об обучении чиновников (включая образовательные визиты в ЕС), организации диалога между бизнесом и властью (вовлечение МСБ и НПО в реформирование законодательства целевой страны), изменении правового регулирования (экспорт норм регулирования ЕС) и налаживании коммуникаций ЕС с МСБ в целевых странах. Финансирование распределяется в равных долях между первыми тремя инструментами с незначительным финансированием четвертого инструмента.

¹ EU4Business. Access to Finance. URL: <https://eu4business.eu/portfolio#access-to-finance/> (дата обращения: 20.02.2021)

² EU4Business. Business Development Services. URL: <https://eu4business.eu/portfolio#business-development-services/> (дата обращения: 20.02.2021)

**Рис. 1. Распределение финансирования по инструментам
(расчет на основе действующих по состоянию на 2019 г. проектов)**

Источник: составлено автором на основе официальной статистики ЕС.

Цели и индикаторы эффективности

В рамках Восточного партнерства Евросоюз официально провозгласил три стратегических цели: 1) поддержка процесса политической ассоциации с ЕС; 2) содействие экономической интеграции и секторальной кооперации; 3) укрепление роли гражданского общества, задающего вектор реформам. Данная иерархия приоритетов – «политика–экономика–гуманитарная сфера» – остается неизменной в стратегических документах ЕС и после 2014 г.¹ В стратегии Брюсселя работа с деловым сообществом выступает как звено в цепи наряду с политическими и гуманитарными целями. При этом в работе со спектром деловых организаций акцент сделан на малый и средний бизнес. Крупный бизнес в целевых странах на доктринальном и практическом уровнях оценивается, как правило, негативно – как препятствие для реформ. Например, на Украине ЕС способствовал разработке нормативно-правовой базы с целью создать «прозрачную систему для ограничения негативного влияния государственной помощи на конкуренцию и международную торговлю» [Delcour & Wolczuk: 12]. В исследовании, выполненном по заказу Европарламента, отмечено, что в Армении внедрение норм ЕС входит в конфликт с интересами могущественных игроков в бизнесе, контролирующих местные рынки посредством монополии» [Delcour & Wolczuk: 15].

Таким образом, ЕС стремится выстраивать связи с малым и средним бизнесом, в то же время ограничивая возможности местного крупного бизнеса и монополий,

¹ Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) – 2014–2020. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/financing-the-enp/regional_east_strategy_paper_2014_2020_and_multiannual_indicative_programme_2014_2017_en.pdf. (дата обращения: 20.02.2021) Р. 11.

которые рассматриваются как препятствия для продвижения европейских норм. Данная политика де-факто способствует созданию комфортной среды для европейского крупного бизнеса в странах периферии. Сектор МСБ не представляет серьезной конкуренции для европейских производителей по причине небольших размеров, но при этом дает прямой канал выхода на активные социальные группы в целевых странах, потенциально восприимчивые к политическому влиянию ЕС.

Спускаясь ниже – с уровня стратегических целей к зафиксированным в программных документах ЕС тактическим, – можно классифицировать последние по следующим группам¹:

Информационные. Укрепление бренда ЕС, включая повышение заметности и увеличение количества людей в целевых странах, ассоциирующих ЕС с позитивными изменениями и выгодами, увеличение эфирного времени в СМИ, посвященного ЕС и т.д.

Количественные. За период 2017–2020 гг. была поставлена цель вовлечь в программу EU4В десять тысяч ранее не охваченных предпринимателей и предприятий МСБ (80 процентов из них – в странах, подписавших с ЕС соглашение об Углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA)). Намечено вовлечение в проекты 150 организаций по содействию бизнесу в целевых странах (деловые ассоциации, промышленные палаты, государственные агентства и т.д.), согласование их деятельности с нормами ЕС. Добиться участия не менее пятнадцати тысяч фермеров в ассоциациях и кооперативах, создания не менее тысячи фермерских объединений.

Институциональные. Организация постоянных форматов государственно-частного диалога, включая создание координационных групп и советов, консультативных форумов, внедрение правил диалога. Создание структур экономической дипломатии ЕС, разработка экспортных стратегий для целевых стран.

Программирующие. Запуск пилотных программ по развитию всеобъемлющих подходов к внедрению реформ рынков капитала в странах ВП. Продвижение стратегии «умной специализации», задающей ключевые приоритеты экономической модернизации целевых стран.

Региональные. Внедрение тридцати региональными администрациями планов местного экономического развития. А также проведение административных реформ по децентрализации.

Цели программы уточняются для государств-участников ВП в индикативных программах поддержки ЕС для каждой из целевых стран. В качестве общих индикаторов оценки эффективности² используются традиционные показатели: объем торговли между ЕС и странами ВП, объем торговли между странами ВП, количество органи-

¹ European Commission (2017) Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020 Focusing on key priorities and tangible results, Brussels, 9.6.2017 SWD (2017) 300 final. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf (дата обращения: 20.02.2021)

² Action Document "EU4Business: investing in the Neighbourhood East", European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/c_2018_6298_f1_annex_en_v2_p1_987807.pdf (дата обращения: 20.02.2021)

зованных мероприятий и их участников, количество разработанных секторальных стратегий, число лиц, прошедших обучение, число посетителей веб-сайта программы.

Для оценки эффективности политики ЕС создан специальный Индекс политики в сфере малого и среднего бизнеса (SME Policy Index), выпускаемый ЕС совместно с ОЭСР. Данный инструмент используется с целью мониторинга и оценки внедрения той или иной политики в сфере МСБ, основанной на практике ЕС, а также «международной практике»¹. Речь идет об экспорте практики, признанной успешной в рамках Евросоюза и собранной в базу данных Акта малого бизнеса ЕС.

В частности, индекс оценивает такие показатели, как степень реализации национальной стратегии в сфере МСБ, доступность статистики, открытость при обсуждении с Евросоюзом итогов внедрения новой практики, степень соответствия национальной стратегии международной успешной практике, степень вовлечения частного сектора в консультации с органами государственной власти, количество и уровень участников мероприятий ЕС, степень приверженности правительства целевой страны реформам политики в сфере МСБ.

Таким образом, программы ЕС по работе с малым и средним бизнесом в странах Восточного партнерства реализуются в русле общей стратегии по укреплению влияния Брюсселя за счет экспорта норм и технических стандартов ЕС в периферийные страны. При этом абсолютное большинство проектов реализуется в гуманитарном измерении, будучи направлено на объединение граждан под знаком ценностей и приоритетов ЕС, реализацию образовательных проектов, внедрение европейских стандартов в нормативные и программные документы целевых стран через поддерживаемые Евросоюзом экспертные сети и диалоговые площадки. В качестве экспертов, консультантов и учителей, как правило, выступают европейские официальные организации или сотрудничающие с ЕС НПО в целевой стране.

Евросоюз стремится к обеспечению открытости и информационной прозрачности целевых стран. Активное привлечение международных организаций в проекты ЕС для малого и среднего бизнеса стран ВП способствует, с одной стороны, созданию впечатления безальтернативности европейских подходов в целевых странах. С другой стороны, формируются группы, вовлеченные в проекты ЕС и зависимые от них. Так, формируется связка между деловыми и околоделовыми сообществами и НПО, которая может быть мобилизована, как это произошло в процессе украинского кризиса [Burlyuk & Shapovalova, 2017].

Выводы

Проведенный анализ целей, инструментов и индикаторов эффективности, а также распределения финансирования позволяет сделать выводы о том, что масштаб и формы интервенций ЕС и трансфера ресурсов обусловлены характером политических отношений Брюсселя с целевой страной. От соглашений, заключенных на политическом уровне, зависит ресурсная поддержка. Рассматривая общую структуру финансирования проектов для МСБ стран Восточного партнерства, мож-

¹ SME Policy Index: Eastern Partner Countries 2020 – Assessing the Implementation of the Small Business Act for Europe, EU4Business, OECD. URL: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2020-04/sme-policy-index-eastern-partner-countries-2020-pocketbook_0.pdf (дата обращения: 20.02.2021) Р. 8.

но сделать вывод, что большая часть средств (около 60 процентов) направляется не на кредитную или грантовую поддержку предприятий, а на гуманитарную работу с адресными группами – предпринимателями, активной молодежью, жителями регионов, чиновниками. Гуманитарное проникновение Евросоюза создает инфраструктуру, общественные организации и группы, которые могут быть задействованы в оппозиционных движениях, в том числе в политической сфере.

Программы в сфере поддержки бизнеса, очевидно, не могут являться прямым средством расширения сферы влияния ЕС, но они становятся действенным инструментом гуманитарного сопровождения его политической стратегии. Эти две линии – политическая и гуманитарная – на деловом треке взаимно дополняют друг друга, позволяя охватить различные адресные группы и ориентировать их на взаимодействие с Евросоюзом в асимметричном формате «донор–реципиент». Пандемия коронавируса внесла тактические коррективы, увеличив удельный вес онлайн-мероприятий, но принципиального пересмотра стратегии и объемов финансирования программ ЕС не произошло.

Индивидуальные предприниматели и малые предприятия не представляют экономической конкуренции для Евросоюза и хорошо подходят на роль «комфортного» собеседника, реципиента норм и младшего партнера в отличие от местного крупного бизнеса. Развитие проектов в сфере МСБ и участие в разработке законодательства в целевых странах позволяет продвигать европейские стандарты, удобные для работы предприятий из государств ЕС на рынках целевых стран.

Программы ЕС по работе с МСБ в странах Восточного партнерства тесно увязаны с экономическими и политическими интересами Брюсселя и могут быть признаны в достаточной мере эффективными как часть системных мер по расширению политического влияния в сопредельных странах. Работа с малыми предприятиями не требует значительной адаптации подходов ЕС к местной специфике (исключения составляют такие технические вопросы, как выдача ссуд в национальных валютах) и позволяет действовать по принципу «сверху вниз», транслируя нормы и практику Евросоюза в целевые страны в рамках изначально заложенной в основу Восточного партнерства теоретической парадигмы модернизации. Как показал украинский кризис, создающиеся в процессе такой работы проевропейски настроенные группы и организации могут быть использованы ЕС для достижения политических целей.

Список литературы

- Болгова И.В. (2020) Внешняя политика Европейского союза как основа посткризисной интеграции. *Современная Европа*, № 6. С. 41–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620204151>
- Борко Ю.А. (2018) Восточное партнерство: проект, реальность, будущее. *Доклады Института Европы*, № 355. Москва. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/355.pdf> (дата обращения: 25.01.2021)
- Громогласова Е.С. (2018) Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. ИМЭМО РАН. Москва. 124 с.
- Гущин А.В., Левченков А.С. (2019) Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия. *Современная Европа*, № 7. С. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. (2018) «Постколониальный подход» во внешней политике Европейского Союза (на примере отношений с российской Федерацией). *Современная Европа*, № 6. С. 82–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620188292>

Романова Т.А. (2017) Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе. *Современная Европа*, № 4. С. 17–28. URL: <http://www.sov-europe.ru/2017.html> (дата обращения: 25.01.2021)

Сутырин В.В. (2020) Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2020 года. *Современная Европа*, № 2. С. 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>

Трещенков Е.Ю. (2019) Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, № 1. С. 55–75.

References

Bolgova I.V. (2020) Vneshnjaja politika Evropejskogo sojuza kak osnova postkrizisnoj integracii [Foreign Policy of the European Union as the basis of post-crisis Integration]. *Sovremennaja Evropa*, № 6, pp. 41–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620204151> (in Russian)

Borko Y.A. (2018) Vostochnoe partnerstvo: proekt, real'nost', budushhee [Eastern Partnership: Project, reality, future], *Doklady Instituta Evropy*, № 355, Moscow, Russia. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/355.pdf> (accessed: 25.01.2021) (in Russian)

Gromoglasova E.S. (2018) Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovanija [Humanitarian diplomacy in modern International relations: experience of a systematic study]. IMEMO RAN. Moscow, Russia. (in Russian)

Gushhin A.V., Levchenkov A.S. (2019) Zapadnyj flang postsovetskogo prostranstva i programma "Vostochnoe partnerstvo": opyt i perspektivy vzaimodejstviya [The Western Flank of the Post-Soviet Space and the Eastern Partnership Program: Experience and Prospects of interaction]. *Sovremennaja Evropa*, № 7, pp. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114> (in Russian)

Pavlova E.B., Romanova T.A. (2018) "Postkolonial'nyj podhod" vo vneshnej politike Evropejskogo Sojuza (na primere otnoshenij s rossijskoj Federaciej) ["Postcolonial approach" in the foreign policy of the European Union (on the example of relations with the Russian Federation)]. *Sovremennaja Evropa*, № 6, pp. 82–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620188292> (in Russian)

Romanova T.A. (2017) Kategorija "stressoustojchivost" v Evropejskom sojuze [Category "Stress resistance" in the European Union]. *Sovremennaja Evropa*, № 4, pp. 17–28. URL: <http://www.sov-europe.ru/2017.html> (accessed: 25.01.2021) (in Russian)

Sutyryn V.V. (2020) Transformacija Vostochnogo partnerstva ES posle 2020 goda [Transformation of the EU Eastern Partnership after 2020]. *Sovremennaja Evropa*, № 2, pp. 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122> (in Russian)

Treshhenkov E.Y. (2019) Stressoustojchivost' (resilience) v diskursah Evropejskogo sojuza i mezhdunarodnyh organizacij [Stress resistance in the discourses of the European Union and international organizations]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, № 1, pp. 55–75. (in Russian)

Boiten V.J. (2015) The Semantics of 'Civil': The EU, Civil Society and the Building of Democracy in Tunisia. *European Foreign Affairs Review*. Vol. 20, pp. 357–377.

Borzel T., Hullen V. (2014) One Voice, One Message, but Conflicting Goals: Cohesiveness and Consistency in the European Neighbourhood Policy. *Journal of European Public Policy*, No 7(21), pp. 1033–1049.

Burlyuk O., Shapovalova N. (2017) "Veni, vidi, ... vici?" EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine. *East European Politics*. No 1(33), pp. 36–55.

Bradford A. (2020) The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. Oxford University Press, New York.

Del Sarto R. (2016) Normative Empire Europe: The European Union, its Borderlands, and the „Arab Spring“. *Journal of Common Market Studies*, No 2(54), pp. 215–232.

Delcour L., Petrova I. (2020) From principle to practice? The resilience–local ownership nexus in the EU Eastern Partnership policy. From principle to practice? The resilience–local ownership nexus in the EU Eastern Partnership policy. *Contemporary Security Policy*, No 2(41), pp. 336–360.

Delcour L., Wolczuk K. (2013), "Approximation of the national legislation of Eastern Partnership countries with EU legislation in the economic field". *Study DG for External Policies of the Union*. European Parliament, Brussels.

Dogan L. (2020) The new imperialism in Central and Eastern Europe. *METU Studies in Development*, No 47, pp. 183–204.

- Falkenhain M., Solonenko I. (2012) The EU and Civil Society in Eastern Europe: Partners in the Pursuit of Policy Change? Policy Change in the EU's Immediate Neighbourhood: A Sectoral Approach. Ed. by K. Böttger and T.A. Börzel. Nomos, Baden-Baden, pp. 56–76.
- Joseph J. (2013) Resilience as embedded neoliberalism: A governmentality approach. *International Politics, Practices and Discourses*. Vol. 1, pp. 38–52.
- Kahn-Nisser S. (2016) Rational institutionalism, constructivism or both? A spatial econometric approach to measuring the impact of incentives and socialization in the European Neighbourhood Policy. *Theorizing the European Neighbourhood Policy*. Ed. by Gstohl S., Schunz S. Taylor & Francis, New York.
- Kostanyan H. (2017) Assessing European Neighbourhood Policy. Perspectives from the Literature. CEPS. Rowman and Littlefield International, Brussels.
- Luciani L. (2020) The EU's hegemonic interventions in the South Caucasus: Constructing 'civil' society, depoliticising human rights? *Cooperation and Conflict*. Vol. 56, pp. 101–120.
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40, pp. 235–258.
- Mikek K. (2016) 'Neocolonial Power Europe'? Postcolonial Thought and the Eurozone Crisis. *French Journal for Media Research*, No 5. URL: <http://frenchjournalformediaresearch.com/odel-1.0/main/index.php?id=753#tocto1n3> (accessed: 26.01.2021)
- Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Strategy, June 2016.
- Sepos A. (2013) Imperial Power Europe? The EU's Relations with the ACP Countries. *Journal of Political Power*, No 2(6), pp. 261–287.
- Stiglitz J. (2007) The EU's Global Role, Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2007/mar/29/theusglobalmission> (accessed: 26.01.2021)
- Tocci N. (2014) The Neighbourhood Policy is Dead. What's Next for European Foreign Policy Along its Arc of Instability? *IAI Working Paper*, No 14. Istituto Affari Internazionali, Rome.
- Tocci N. (2020). Resilience and the role of the European Union in the world. *Contemporary Security Policy*, No 2(41), pp. 176–194.
- Zielonka J. (2006) Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford University Press, New York.
- Zielonka J. (2008) Europe as a Global Actor: Empire by Example? *International Affairs*, No 84, pp. 471–484.

EU Policy Towards Small and Medium Enterprises in the Eastern Partnership Countries as an Instrument of Political Influence

Received 24.02.2021

Author: Sutyryn V., Candidate of Sciences (Politics), Vice-Rector of State Academic University for Humanities. **Address:** 26, Maronovsky lane, Moscow, Russia, 119049. **E-mail:** vsutyryn@gaug.ru

Abstract. The paper deals with the problem of investigating strategies and experience of the European Union which it employs to strengthen its political influence in the Eastern Partnership countries by means of working with business sector. The author analyses statistical data, official EU position and programme documents, funding data. Institutional and constructivist approaches are employed to study the processes and results of EU policies. The study covers the period between 2009 and 2020, and investigates aims, instruments, funding, KPI of the EU in dealing with business communities of Eastern Partnership countries. The author gives an overview of a range of opinions in expert discussions concerning the humanitarian influence of the EU. The conclusion is drawn that the scale and forms of EU interventions and funding for particular country are conditioned by the level of political relationship with its government. The bulk of funding (more than 60%) is directed not to loans or subsidies to SMEs, but to humanitarian (i.e. "soft power") projects focusing on particular groups – entrepreneurs, active youth, regions, officials, etc. EU humanitarian penetration into focus countries of EP creates an infrastructure, social organizations and groups, which could be utilized to political ends.

Key words: European Union, EU, humanitarian influence, Eastern Partnership, soft power, small and medium enterprise, SME, soft power, civil infrastructure.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220212839>